

Фэн Циншуан вышла из дома в новой одежде, не переставая думать о своём. Ранним утром, пока все спали, она тайком достала припрятанные деньги: женщина решила купить несколько рулонов ткани. Она пришла к лавке спозаранку, боясь не успеть на подённую работу, и, опасаясь долгого ожидания, в нетерпении постучала в дверь.

Внутри неожиданно отозвались. Немного погодя лавочник открыл дверь, потирая глаза и выглядя так, словно ещё не проснулся. Фэн Циншуан извинилась, объяснив, что спешит, и принялась выбирать материю. Лавочник сразу узнал её: не так давно она уже закупила здесь, а по одежке, что была на ней сейчас, он понял, что та сшита из его же товара. Его отношение сразу стало предельно любезным: Ничего страшного, ничего! Выбирайте спокойно, я всё равно могу пока вздремнуть на прилавке.

Фэн Циншуан действовала быстро. Она помнила, какая ткань приглянулась Мяо Саньнян, поэтому подобрала несколько похожих отрезков. Заплатив, она попросила лавочника придержать товар, пообещав забрать его после работы. Тот охотно согласился и убрал свёртки под прилавок: Не торопитесь, я всё равно ночью в лавке, так что дождусь вас, даже если придете поздно.

Фэн Циншуан кивнула и, уходя, оглянулась на лавку. Место хорошее: и торговать можно, и жить. Мяо Саньнян делает отличный тофу, да и Чжу Цзы теперь распродаёт всё, что приготовлено за день. Если бы у них была такая лавка, бизнес Саньнян стал бы куда легче, да и объёмы можно было бы увеличить.

Эта мысль не давала ей покоя. Вернувшись за тканью, она поинтересовалась ценой аренды. Выяснилось, что аренда вовсе не дешёвая — неудивительно, что лавочник живёт прямо здесь и даже не может позволить себе нанять помощника.

Фэн Циншуан прикинула всё в уме, решив обсудить это с Саньнян позже. Если они и вправду расширят торговлю тофу, ей больше не придётся ходить на подёнщину. Хотя она и стеснялась признаться себе в этом, но, раз уж она пообещала Мяо Саньнян стать для неё семьёй, их жизни теперь переплетены — и это было правильно. Если в будущем Саньнян пожалеет, она всегда успеет вернуться к прежнему заработку, но зато с собственной лавкой у той появится опора и её больше не будут помыкать родственники мужа.

О себе Фэн Циншуан не думала. Она знала, что сумеет устроить свою жизнь как угодно — она привыкла полагаться только на себя, так будет и впредь. Она понимала стремление Мяо Саньнян привязаться к ней: женщине просто нужно было убежище. Она не собиралась подыскивать ей жениха — в конце концов, со стороны трудно судить, что лучше для человека. Да и сама Фэн Циншуан считала, что с таким характером и положением в деревне Мяо Саньнян лучше не выходить замуж опрометчиво, иначе не миновать горя.

Принеся ткань домой, Фэн Циншуан услышала удивлённый возглас: Ты что, такая бессердечная? Я только что закончила шить тебе обновку, а ты хочешь заставить меня снова взяться за работу? Фэн Циншуан улыбнулась и осторожно положила свёртки: Не пытайся меня обмануть. Я знаю, что ты всё сделала для меня, а эту ткань я купила специально для твоих нарядов. Не ленись, не обесценивай мою заботу.

Мяо Саньнян подошла, взяла ткань в руки, погладила её — материал ей явно пришёлся по душе. Эти ткани стоят недёшево, верно? — заметила она, заметив, что качество даже выше, чем у той, что она покупала для Фэн Циншуан. Та присела, отпила чаю и ответила: На тебе весь дом, ты заслуживаешь того, чтобы носить хорошие вещи.

Мяо Саньнян, видя её смущение, рассмеялась ещё пуще. Она схватила Фэн Циншуан за воротник, не давая отстраниться: Мы теперь супруги, почему же нам не жить как супругам? Если мы устроим церемонию, пойдут сплетни, но если мы будем супругами за закрытыми дверями, никто не узнает.

Не дожидаясь ответа, Фэн Циншуан решительно достала свои сбережения. Мяо Саньнян взяла керамический горшочек, взвесила в руках — увесистый. Фэн Циншуан, краснея, пробормотала: Раз уж... раз уж мы супруги, пусть эти деньги будут у тебя.

Она опустила голову, не решаясь взглянуть на Мяо Саньнян, а краснота с ушей уже перекинулась на щёки. Мы же просто временно изображаем супругов, а... те дела нам ни к чему. Мяо Саньнян подалась ближе, Фэн Циншуан отступила на шаг, и Саньнян вдруг расплакалась: Я знала, что ты меня обманываешь! Ты вовсе не хочешь быть мне женой, согласилась только ради того, чтобы усыпить мою бдительность.

Мяо Саньнян отставила горшок с деньгами в сторону: Ишь ты, неужели для тебя всё так сильно зависит от того, супруги мы или нет? — это было сказано в шутку, но Фэн Циншуан ответила со всей серьёзностью: Не так уж много и зависит. Я просто не давала тебе этих денег, остальное — то же самое. Она хотела, чтобы Мяо Саньнян знала: с самого начала она приняла её как родную и ни при каких обстоятельствах не обидит и не бросит.

Мяо Саньнян подошла вплотную и прошептала на ухо: Конечно, зависит — супружеский долг! Уши Фэн Циншуан вспыхнули пунцовым: Неужели... неужели и это нужно? Она-то думала, что Мяо Саньнян ищет супружества лишь ради душевного покоя, но никак не ожидала, что всё должно быть по-настоящему.

Саньнян была довольна собой, но вдруг спохватилась и обернулась: А откуда у тебя деньги? Фэн Циншуан замялась: Я откладывала кое-что ещё до того, как ты переехала ко мне.

Мяо Саньнян задумалась о другом и окинула её оценивающим взглядом: Ты напомнила мне кое о чём. Нам действительно многого не хватает. Чего же? — с искренним недоумением спросила Фэн Циншуан.

Мяо Саньнян прикрыла рот рукой, хихикая: Посмотри на себя, вроде была уже замужем, а ничего не знаешь? Фэн Циншуан нахмурилась, совершенно не понимая, к чему та клонит.

Она потянулась, чтобы вытереть слёзы с лица Саньнян, но та увернулась. Рука Фэн Циншуан повисла в воздухе — не убрать, не обнять. Я тебя не обманываю! Я же сказала, что мы супруги, разве я не отдала тебе все свои деньги?

Мяо Саньнян зарыдала ещё пуще: Зачем мне твои деньги? Мне нужна ты сама!

Фэн Циншуан от стыда не знала, куда деться, но, видя, что слёзы Саньнян не прекращаются, с трудом выдавила: Быть супругами не обязательно значит делить постель. У нас с Шаньбао такого не было. (Фэн Шаньбао был покойным мужем Фэн Циншуан).

Услышав это, Мяо Саньнян не унялась: У вас не «не было», просто он умер слишком рано! Ты что, смерти мне желаешь? Фэн Циншуан, чувствуя одновременно беспомощность и жалость, ответила: У нас с ним ничего не было, я даже не знаю, как это вообще делается. Как ты хочешь, чтобы я...

Хотя у самой Мяо Саньнян с её недолговечным мужем тоже ничего не было, перед свадьбой в её семье всё же потрудились дать кое-какие наставления. А тебя перед свадьбой никто не учил? Фэн Циншуан грустно опустила голову: У меня ведь не было матери. Отец сказал только, что я должна во всём слушаться Шаньбао.

Саньнян оживилась: Значит, слушайся меня! Фэн Циншуан почувала ловушку. Если она согласится, то будет как овечка, сама идущая в пасть к тигру. Она отчаянно затрясла головой: На что угодно соглашусь, но только не на это.

Видя её непреклонность, Мяо Саньнян поняла, что слёзы тут не помогут, и постепенно умолкла: Ладно, раз уж мы только поженились, я тебя прощу. Но со временем мы всё равно станем настоящими супругами.

Мяо Саньнян пошла на попятную, и Фэн Циншуан решила больше не спорить, иначе Саньнян снова принялась бы рыдать. Она кивнула: Будущее покажет, а сейчас давай просто жить дальше.

И они, как и сказала Фэн Циншуан, стали жить своей тихой жизнью, шаг за шагом.

Хотя всю работу в поле Фэн Циншуан выполняла сама, Мяо Саньнян при любой возможности сопровождала её, подавала чай, вытирала пот со лба, собирала полевые цветы, чтобы освежить букет в доме. Фэн Циншуан казалось, что жизнь осталась прежней, но с появлением Мяо Саньнян всё вокруг преобразилось.

Попробовав тофу Мяо Саньнян, односельчане стали относиться к ней куда лучше. Конечно, к Фэн Циншуан они по-прежнему тянулись больше, но едких пересудов за спиной Саньнян стало гораздо меньше. Фэн Циншуан оставалась всё такой же отзывчивой: многие сельские женщины приходили к ней за помощью, и та соглашалась, лишь предупредив Саньнян. Саньнян, конечно, хотела бы её удержать, но знала, что бесполезно. Да и разве не за эту отзывчивость она полюбила Фэн Циншуан?

А ещё Фэн Циншуан принесла котёнка — чтобы охранял запасы бобов от мышей. Теперь в доме было шумно: куры, собака, осёл, а теперь ещё и кошка.

Осёл окреп, крутить жернова стало легче, и Фэн Циншуан стала использовать его, чтобы возить воду на поля, что сэкономило немало сил. Дел прибавилось, но Фэн Циншуан чувствовала, что ей становится всё легче и легче. Видя, что урожай бобов обещает быть хорошим, она предложила открыть лавку тофу в городке.

Мяо Саньнян, возможно, боясь неудачи и того, что Фэн Циншуан зря потратит накопленные тяжким трудом деньги, ответила: Открывать лавку пока рановато. Давай лучше арендуем место на рынке, будем продавать там каждый день. Это дешевле, и если что-то не продастся — не так обидно.

Фэн Циншуан хотела сказать, что с талантом Саньнян торговля пойдёт на ура, но побоялась взвалить на неё лишний груз ответственности и согласилась. Фэн Циншуан действовала быстро: арендовала хорошее место на городском рынке и купила тележку, которую можно было прицепить к ослу, чтобы каждое утро возить тофу в город.

Бедный осёл — и жернова крутить, и груз везти. Дорога была неровной, и Саньнян переживала, что тофу развалится по пути. Фэн Циншуан придумала выход: она стала класть тофу на марлю и «хранить» его в воде. Вода амортизировала тряску, и тофу стал крепче.

Глаза Мяо Саньнян светились восторгом: Ашуан, какая ты умная! Если бы ты училась, точно стала бы учёным мужем! Фэн Циншуан рассмеялась и легонько ткнула её в лоб: Жаль только, что тебе уже не судьба стать женой учёного.

Фэн Циншуан нашла дощечку и хотела было сходить в соседнюю деревню к местному учителю, чтобы тот написал на ней название, но Саньнян вдруг сказала, что умеет писать сама. Фэн Циншуан вспомнила её происхождение: хоть она и была «бесхозной» барышней, но всё же господской дочерью — наверняка её обучали. Она сходила за кистью и тушью.

Саньнян действительно знала несколько иероглифов, немного, но слово «тофу» среди них было. Она взяла кисть, долго собиралась с мыслями и, наконец, приступила. Черта за чертой, старательно и ровно, она вывела иероглифы на дощечке.

Фэн Циншуан не знала грамоты, но, глядя на чёткие знаки, искренне похвалила: Как красиво! Саньнян, ты просто мастер! Саньнян прекрасно знала цену своему письму, но ей было так приятно слушать похвалу Фэн Циншуан, что она лишь сладко улыбалась: Дома меня не учили, я тайком подслушивала уроки и учила пару знаков, а потом сама тренировалась на земле.

Фэн Циншуан захлопала в ладоши: Если бы ты училась, у меня был бы шанс стать женой учёного! Мяо Саньнян сладко рассмеялась: Тогда в следующей жизни я пойду учиться, а ты не забудь выйти за меня! Фэн Циншуан вертела дощечку в руках: В следующей жизни я тоже буду учиться, и мы оба станем учёными мужами!